

УДК 340.14

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/74-90>

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЮРИСТОВ*

А. М. Михайлов

Московский государственный институт международных отношений

Поступила в редакцию 26 августа 2022 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию связи между юридической доктриной и профессиональным мышлением юристов в рамках западной традиции права. Обосновывается тезис, что одной из ведущих функций юридической доктрины является функция нормирования профессионального мышления юристов. Статья состоит из четырех частей: в первой – определяется доктринальный характер романо-германского права; во второй – раскрывается понятие и кратко характеризуются «уровни» юридического мышления; в третьей – объясняется процесс нормирования профессионального мышления, определяются его характер, средства, способы и результаты; в четвертой – обозначаются пределы доктринального нормирования мышления юристов.

Ключевые слова: юридическая доктрина, юридическое мышление, типы и уровни юридического мышления, романо-германское право, доктринальные юридические понятия, стандартизация профессионального сознания, механизм саморазвития права, философская картина мира, системы мышления.

Abstract: the article is devoted to the study of the relationship between legal doctrine and professional thinking of lawyers within the framework of the Western tradition of law. The paper substantiates the thesis that one of the leading functions of legal doctrine is the function of standardizing the professional thinking of lawyers. The article consists of four parts. The first defines the doctrinal nature of Romano-Germanic law. In the second, the concept is revealed and the “levels” of legal thinking are briefly characterized. The third part explains the process of regulation of professional thinking, defines its nature, means, methods and results. The fourth part outlines the limits of the doctrinal regulation of lawyers' thinking.

Key words: legal doctrine, legal thinking, types and levels of legal thinking, civil law, doctrinal legal concepts, standardization of professional consciousness, mechanism of self-development of law, philosophical model of the world, systems of thinking.

Доктринальный характер романо-германского права. Актуальность теоретико-правового исследования связи юридической доктрины и профессионального мышления юристов связана с тем, что российская

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

правовая система по своей структурной организации, понятийному аппарату, ведущим источникам права и типичным средствам, приемам юридической техники входит в романо-германскую правовую семью, которая сформировалась, прежде всего, благодаря «профессорскому праву» средневековых университетов.

На протяжении нескольких столетий средневековые юристы рассматривали право не как комплекс общих позитивных установлений политической власти, а как образцовую модель социальной организации. Для университетской юридической традиции, лежащей в основании правовой общности стран континентальной Европы, право – это должное, единый свод образцовых, общих принципов и норм; право призвано учить нормам, которыми должны руководствоваться юристы в их профессиональной деятельности. Средневековые доктора права рассматривались как универсальные преподаватели, авторитетные толкователи «истинных правил»¹. «Поскольку право преподавалось как университетская дисциплина, поскольку оно считалось наукой транснациональной по характеру и области универсального знания, – писал Г. Дж. Берман, – правовые доктрины неизбежно рассматривались в свете окончательной истины, и им нельзя было просто обучаться, как ремеслам или практическим знаниям»².

Академический характер романо-германского права выражался в том, что его понятийный аппарат и институты разрабатывались и транслировались университетскими профессорами, его нормы можно было изучить, только посещая университеты и слушая лекции *doctores juris*, и найти это право можно было в учебниках, а не в сборниках судебных решений, как это было в Англии³. Поэтому юридическая традиция континентальной Европы имеет неоспоримые доктринальные основания: именно юридическая доктрина учит будущих правоведов и практикующих юристов правильному пониманию тех или иных правовых институтов, транслирует и укореняет в профессиональном сознании нормы профессиональной юридической культуры.

Допустимо утверждать, что доктринальное «право юристов» наиболее тесно связано с организацией профессионального юридического мышления, с корпоративной традицией юридического сообщества, которые в значительной мере сформировали структуру и определили развитие права на европейском континенте. Едва ли римское право было бы способно в такой значительной мере повлиять на европейское правоведение, если бы его центральной частью не являлось доктринальное право, разработанное классической римской юриспруденцией. Далеко не секрет, что Дигесты Юстиниана как предметная систематизация позиций римских юристов многие столетия выступали фундаментом университетской

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. М., 1998. С. 162.

² Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008. С. 47–48.

³ См.: Цвайгерт К., Кёту Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1 : Основы. М., 2000. С. 384.

рецепции римского права. Поэтому не будет преувеличением сказать, что именно юридическая доктрина выступала единым концептуальным основанием всей традиции университетской юриспруденции, поскольку обеспечивала формирование, трансляцию и развитие профессионального юридического мышления, транснациональное единство которого и выразилось в феномене общеевропейского права (*ius commune*).

Понятие и уровни юридического мышления. Под юридическим мышлением понимаются обусловленные спецификой юридической деятельности способы, средства и правила оперирования со специально-юридическими идеальными объектами – понятиями, конструкциями, принципами, рассматриваемыми с догматической, теоретической или философской перспективы.

Мыслить право догматически – значит организовать содержание позитивного права в целесообразные интеллектуальные формы (конструкции), способствующие его более точному определению и последующему применению на практике. В догматическом юридическом мышлении господствуют методики толкования и предметно-логической систематизации правового материала, в конечном итоге формирующие доктринального «двойника» положительного права.

Мыслить право теоретически – значит вывести из институтов положительного права, правовой доктрины, социокультурного и исторического контекстов систему общеправовых и отраслевых правовых понятий, организованную логически и позволяющую объяснить причинно или телеологически реальное существо права в его тотальности. Теоретическое юридическое мышление формируется значительно позднее догматического, поднимается над конкретным правопорядком до уровня понятийного учения о праве, раскрывающего его существо и вместе с тем способного выступать фундаментом общеправовой и отраслевой догмы.

Мыслить право философски – значит раскрывать его природу, предназначение, ценность через категориально-понятийный аппарат философии, а также предметность гуманитарных наук, включая специально-юридическое знание, что позволяет понять место и значение права в развитии природы, общества и мышления людей. Философское осмысление права будет являться юридическим, когда осуществляется носителем догматико-юридического и/или теоретико-правового знания.

Порождающим новый, юридический, тип мышления фактором, на наш взгляд, выступает интеллектуальная деятельность первоначально технических специалистов с материалом позитивного права в процессе практики, объективно востребуемой потребностями определенного типа общества. Данная деятельность, сопровождающая судебную и адвокатскую практику, постепенно в процессе усиления своей интенсивности приводит к формированию специально-юридического содержания позитивного права, выражающегося терминологически и закрепляемого текстуально, для интеллектуального овладения которым требуются специфические мыслительные операции. Развитие этого процесса постепенно формирует новый строй мышления – юридический, и приводит к отифференциации

профессионального правосознания от обыденного. «Непрерывное взаимодействие общей формы и противоречивых индивидуальных интересов, искусство создания рациональных юридических конструкций и их умелого приспособления к самым разнообразным ситуациям формируют особый тип профессионального юридического мышления»⁴.

Лежащим на поверхности, «видимым» уровнем, на котором проявляется особенность юридического мышления, выступает юридический язык, выстраиваемый в профессиональной практике и профессиональном образовании на основе обыденного и отличающийся наличием специальной терминологии, позволяющей значительно точнее определять правовые явления и их связи между собой. С. С. Алексеев справедливо указывал, что юридический язык выражает конструктивные моменты существования самого положительного права, неразрывно связан с «внутренней формой» права⁵.

Вторым уровнем выражения относительной самостоятельности юридического мышления выступает положительное право как целостная система юридических конструкций, построенная на определенных принципах и по определенным логическим правилам. Этот уровень выражения юридического мышления проявляется в юридической догме, транслируемой системой юридического образования и позволяющей формировать устойчивое единство юридической практики и национальной правовой системы в целом. Вполне оправданно в юридической литературе указывалось, что положительное право можно рассматривать либо с обыденной точки зрения как нормативный массив, либо с профессиональной – как систему целенаправленно созданных юридических конструкций, организующих право, образующих «материю права», его «тело», «вещество» (*corpus juris*)⁶.

Третий уровень юридического мышления, на наш взгляд, представлен особыми устойчивыми интеллектуальными связями, формирующими своего рода «генотип» мышления юристов определенной правовой системы, семейства правовых систем. При аналитическом рассмотрении юридического мышления можно выделить генетические структуры, которые отличают этот тип мышления от иных типов профессионального мышления и ответственны за воспроизводство той или иной дифференцированной правовой системы. Эти устойчивые структуры относительно самостоятельны, независимы от конкретного материала определенной отрасли или института права: профессиональный юрист способен посредством их генерировать из институтов положительного права юридические конструкции, связывающие ту или иную ассоциацию норм в функциональное, целесообразное образование. Очевидно, что данные генетические структуры формируют наиболее устойчивый, конституирующий фундамент «права юристов».

---

⁴ Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003. С. 14.

⁵ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. С. 60–61.

⁶ См.: Губаева Т. В. Указ. соч. С. 14.

Доктринальное нормирование юридического мышления. Для понимания природы юридической доктрины важно раскрыть ее значение для профессионального юридического мышления.

Разрабатывая концептуальные формы юридического знания, юридическая доктрина выступает интегрирующим, системообразующим «элементом» сознания юристов. Она закладывает те базовые понятия, конструкции, модели и концепции, через которые профессиональный юрист воспринимает и правовые ситуации, и источники, нормы позитивного права, и процессуальные формы. Иными словами, без юридической доктрины невозможна специально-юридическая перспектива в восприятии идей, текстов и отношений в сфере правового регулирования. Именно доктринальные формы за счет сравнительно высокой степени абстрактности и неизменности своего содержания способны интегрировать профессиональное юридическое знание в единое целое, без чего, в свою очередь, невозможна успешная, устойчивая в долгосрочной перспективе кодификация позитивного права и в целом воспроизводство корпоративной традиции юридического сообщества.

В развитых правовых системах юридическая доктрина призвана формировать профессиональное юридическое мышление, поскольку именно в ней осуществляется перевод конструкций, моделей и понятий, выработанных юридической догматикой (или юридической наукой), в область нормативных установок сознания юристов, выступающих основанием профессиональной юридической культуры. В этом смысле юридическая доктрина располагается между «пространством» юридической догматики и/или юридической науки, ответственными за создание и организацию специально-юридического содержания – с одной стороны, и «пространством» профессионального сознания юристов и юридическими практиками – с другой. Юридическая доктрина выступает важным интеллектуальным «каналом», связывающим конструктивные и понятийные разработки юристов с корпоративным «пространством» профессионального сознания и деятельности, без которых невозможно функционирование юридической практики и воспроизводство профессиональной культуры.

Реализуя конститутивную и регулятивную функции по отношению к профессиональному сознанию юристов, юридическая доктрина задает эпистемологические императивы – те базовые принципы и правила, нормы профессиональной культуры, которые определяют процесс познания реальности профессиональным юристом, отвечают за формирование профессионального «горизонта понимания» юриста. Задача юридической доктрины как учения – выразить в авторитетной профессиональной форме такое интеллектуальное содержание, которое позволяет нормировать понимание, организацию и деятельность юридического сообщества.

Если авторитет формальных источников права основывается на их юридической силе, особенностях правового регулирования, то авторитет «канона юридического мышления» несколько не уступает, а даже превосходит нормы позитивного права по глубине воздействия и степени

императивности. Не случайно Р. Иеринг ставил несравнимо выше авторитет римского права как «канона юридического мышления» в сравнении с его «внешним авторитетом» как «юридической грамматики» или уложения⁷, а Р. Давид справедливо утверждал, что хотя законодатель может изменить любой правовой институт, но он не в силах изменить язык и рамки юридического мышления⁸. Именно способы понимания и деятельности формируют наименее подверженный законодательным и историческим изменениям уровень профессионального сознания. Юрист может отторгнуть юридическую силу тех или иных норм, подвергнуть их искажающему «толкованию», нейтрализующему их первоначальное значение, но юрист не в состоянии отторгнуть нормы профессиональной культуры, если таковые овладели его сознанием, поскольку они нормируют его мышление и деятельность.

В этом смысле, закладывая принципиальную организацию профессионального мышления юристов, доктринальное правоведение обеспечивает воспроизводство традиции права, поскольку в значительной мере способствует оестествлению в сознании юристов типовых стандартов понимания наиболее значимых правовых явлений. Здесь под традицией, вслед за Н. Н. Тарасовым⁹, мы понимаем естественный, не обеспечиваемый специальной целевой деятельностью нерелефлируемый процесс исторической преемственности, посредством которого осуществляется трансляция культуры, а его «элементы» (идеи, нормы, отношения) «обладают непосредственной содержательной достоверностью в сознании и осуществляют непосредственную мотивировку поведения»¹⁰. Поскольку юридическая доктрина императивно учит правильному пониманию правовых явлений, постольку она закладывает определенную понятийную «сетку», которая довольно быстро начинает восприниматься ее носителем как естественная, не требующая обоснования. В заданном контексте юридическая доктрина обеспечивает «предельные» рамки юридического мышления, устанавливает профессиональный «ракурс», через который юрист понимает и оценивает правовую действительность. Тем самым юридическая доктрина является крайне значимым фактором, обеспечивающим воспроизводство правовой традиции.

Средствами, позволяющими юридической доктрине нормировать понимание действительности и тем самым определять основания профессионального сознания юристов, выступают, прежде всего, юридические понятия и концепции – формы мышления, позволяющие понимать объекты правовой действительности, выражать в системе признаков, воспринимать их как социокультурные феномены, укорененные в типе

⁷ См.: *Иеринг Р. Ф.* Дух римского права // Иеринг Р. Ф. Избранные труды : в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 28.

⁸ См.: *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 246.

⁹ См.: *Тарасов Н. Н.* Правовая традиция и преемственность в праве : методологические основания исследования // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 3. С. 7.

¹⁰ Там же.

цивилизации¹¹. Уже Ф. К. Савиньи характеризовал мышление юристов как «математические операции с понятиями»¹²; Р. Йеринг утверждал, что «мыслить юридически и мыслить понятиями – одно и то же»¹³. Современные правоведы определяют умение юридически мыслить как способность «целенаправленно оперировать юридическими понятиями в условиях возникшей юридически значимой практической задачи»¹⁴.

Доктринальные юридические понятия не только позволяют достичь понимания природы изучаемых правовых явлений, но и, будучи усвоенными профессиональным сознанием юриста, определяют их исследовательское внимание, организуют восприятие и оценку фрагментов правовой действительности. Доктринальные юридические понятия образуют ту «призму», через которую профессиональное сознание юристов «видит» правовую действительность. Иными словами, интериоризация доктринальных понятий не только лежит в основе понимания правовых явлений, но и задает образцы и нормы профессионального правосознания. Уже основоположник исторической школы указывал на способность юридических понятий из инструмента понимания правовой действительности обращаться в «господ над юристами», которые покоряют их и ведут против воли и часто без того, что юристы знают об этом¹⁵. Юридические понятия как формы выражения профессионального мышления оказываются не только ведущими структурами, позволяющими понимать природу правовой действительности, но и средствами нормирования профессионального правосознания. Имманентная способность юридических понятий нормировать процесс восприятия правовой действительности юристами позволяет им являться центральным компонентом доктринального юридического знания.

Нормирование профессионального юридического сознания осуществляется юридической доктриной не только за счет специфики понятийно-концептуальной формы представления знания, но и за счет способа трансляции такого знания – через социальные институты (университеты, школы и др.), обладающие значимым корпоративным авторитетом в юридическом сообществе. Далекое не случайно М. Вебер указывал, что там, где к юридической практике допущены только выпускники университетов, академическое юридическое образование обладает монополией

¹¹ См.: *Кнапп В., Герлох А.* Логика в правовом сознании. М., 1987. С. 258.

¹² *Савиньи Ф.К. фон.* О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина. М., 2011. Т. 1. С. 142.

¹³ Цит. по: *Кузнецов К. А.* Реформа юридического образования в Германии (окончание) // Юридический вестник. Издание Моск. юрид. общества. 1889. № 4. С. 614.

¹⁴ *Скакун О. Ф.* Юридическая деонтология : учеб. для вузов. Харьков, 2002. С. 207.

¹⁵ Цит. по: *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 305. См. также: *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002. С. 335, 336 ; *Цвайгерт К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 110.

на правовую доктрину¹⁶. Воспроизводство нормируемой мыслительной деятельности юристов основывается не только на императивах формируемой доктриной профессиональной культуры, но и на социальной легитимности институтов, позволяющих транслировать образцы и нормы юридического мышления. Иными словами, доктринальное обеспечение воспроизводства юридического мышления необходимо рассматривать как в гносеологическом, так и социологическом аспектах. Если в гносеологическом отношении правовая идеология не способна содействовать доктрине в нормировании профессионального мышления «по понятию», то в социальном плане она обладает возможностью либо качественно повышать легитимность институтов, транслирующих нормы юридического мышления, либо существенно снижать уровень их социальной легитимности.

Выступая интеллектуальным основанием профессиональной юридической культуры и сознания юристов, юридическая доктрина определяет принципы и правила понимания и деятельности юриста, тем самым она позволяет профессиональному сознанию юристов и юридическому сообществу существовать как единому идейному и деятельностному целому, воспроизводит и развивает корпоративные традиции юридического сообщества. Иными словами, юрист способен видеть в различных ситуациях правовые конструкции и понятия, определять в ситуациях юридически значимые и индифферентные «элементы» не только за счет того, что в результате профессиональной подготовки усвоил и присвоил определенный объем специальных знаний, умений и навыков, но и потому, что стал носителем особого типа мышления, которое организует восприятие, селекцию и интерпретацию информации, определяет способы постановки задач и их решения¹⁷. Невозможно не согласиться с Н. Н. Тарасовым, который утверждал: «Если профессия не имеет собственных способов мышления и собственных подходов к осознанию мира, то это уже не профессия. Именно юристы всегда отличались тем, что умели мыслить совершенно по-иному, нежели все другие»¹⁸. Юридическая доктрина, обеспечивая трансляцию юридического мышления, тем самым выступает крайне значимой гарантией автономности, самостоятельности профессии юриста и в целом правовой традиции.

Так, в основе «преюдициального» способа мышления юристов семьи общего права лежит доктрина судебного прецедента, которая усваивается в процессе получения юридического образования и определяет исходную ориентацию юриста в прецедентном и статутном праве, процесс «фильтрации» фактов, формирование адвокатской позиции по делу, «стадии» судебной выработки правового основания решения. Причем достаточно очевидно, что доктрина судебного прецедента с принципом *stare decisis*,

¹⁶ См.: Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. Право. М., 2018. Т. 3. С. 146.

¹⁷ См.: Иеринг Р. фон. Юридическая техника. М., 2008. С. 20–23.

¹⁸ Тарасов Н. Н. Быть профессионалами высокой культуры : интервью газете «Юрист» // Юрист. № 1 (43). 2004. С. 3. URL: <https://oldwww.usla.ru/structure/gazeta/Jurist/base/1-ju.pdf>

исключениями из него, правилами определения *rationes decidendi*, интерпретацией *rationes* от одного прецедента к другому в хронологической последовательности (*reasoning from case to case*) объединяет адвокатское и судейское сообщества стран англо-американской правовой семьи в единое корпоративное целое, выступает концептуальным основанием относительного единства «рамою» их профессиональной деятельности.

Осуществляемое доктриной нормирование мышления юристов означает стандартизацию профессионального сознания. Вводя мышление юриста в нормативные «рамки», определяя «несущие» понятия, через которые понимается природа разнообразных правовых явлений, юридическая доктрина принципиально не способна «актуализировать» те или иные индивидуальные представления, выражать и транслировать индивидуальное правосознание. Сложно спорить с П. Шлагом и И. Л. Честновым, которые справедливо указывают, что «если право заключено в объективированные формы (доктрины, принципы), то значение права будет «стабильно, фундаментально, безопасно и определено»¹⁹. Действительно, одна из важнейших функций юридической доктрины – есть функция стабилизации, упрочения всей правовой системы. Именно для этого доктринальное правоповедение закрепляет, «консервирует» и авторитетно транслирует устоявшиеся в профессиональном сообществе «образцы» и нормы мыследеятельности.

При этом, на наш взгляд, нет оснований утверждать, что нормирование профессионального мышления юридической доктриной автоматически формирует «объективизм» правовой реальности, исключает из нее человека, чьей деятельностью создается и воспроизводится право. Если под «объективизацией» правовой реальности понимать абстрагирование от конкретного человека, его уникальности, особенностей ментальной и поведенческой активности, то следует заметить, что сама природа права как соционормативного регулятора требует в качестве необходимого условия осуществить подобное абстрагирование – невозможно опосредовать социальные институты, если «регулятор» останется восприимчив к бесчисленным мириадам уникальных особенностей индивидуального правосознания и поведения. Типизация – есть объективный процесс, лежащий в основе любого соционормативного регулирования; любое нормирование поведения предполагает наличие общей меры и масштаба, посредством которых происходит установление единого образца, позволяющего формировать общественный порядок.

Характер нормирования юридической доктриной профессионального юридического сознания не следует отождествлять с парадигмальной организацией исследовательской деятельности в естественных науках. Хотя доктринальное правоповедение создает общие стандарты мыслительной и практической деятельности, способно формировать устойчивые «паттерны» восприятия и анализа правовой действительности, тем не

---

¹⁹ *Schlag P.* The Problem of the Subject // *Tex. L. Rev.* 1991. № 69. P. 1635 ; *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 86.

менее, юридическая доктрина не подчиняет мышление юриста «жестким» алгоритмизированным образцам постановки юридических задач, организации их решения и предъявления результатов корпоративному сообществу. Юридическая доктрина не устанавливает стандартизированные технологии профессиональной деятельности, не определяет «зеркальную» воспроизводимость различных видов практики. Нельзя утверждать, что освоение ключевых «структур» юридической доктрины гарантирует то, что все или большинство носителей доктринального юридического знания будут идентично организовывать процесс решения юридических задач. Принадлежность к одной и той же юридической школе, фундированность профессионального сознания в устойчивом комплексе понятий и концепций не способны всецело обусловить, «алгоритмизировать» юридическую деятельность, сделать носителей одной и той же юридической доктрины взаимозаменяемыми. В значительной мере различие между характером определения мыслительной деятельности юридической доктрины и научной парадигмы объясняется различиями между специализированным естественным языком, на котором «говорит» ученое правоведение, и строгим искусственным языком, посредством которого воспроизводится парадигмальная организация научной деятельности в естествознании. Вариативность значений понятийного аппарата доктринального правоведения значительно выше, чем искусственного языка естественно-научного знания. Помимо этого, доктринальное правоведение в рамках определенной правовой системы характеризуется многочисленными расхождениями в позициях авторитетных юристов, не имеет «монолитного» характера, в то время как естественно-научное знание в периоды «нормальной» науки, господства определенной научной парадигмы носит значительно более когерентный, последовательный и целостный характер. Поэтому, на наш взгляд, некорректно отождествлять юридическую доктрину с «парадигмой» юридического мышления, хотя воздействие «структур» доктринального правоведения на профессиональное сознание юристов носит императивный характер, определяет «горизонт» восприятия правовой действительности.

Являясь источником формирования профессионального мышления юристов, юридическая доктрина создает правовую действительность, позволяет юристам видеть в действующем праве и практике его реализации особую «логику», подчиняющую деятельность юристов нормам профессиональной культуры²⁰. Юридическая доктрина формирует мышление юристов, которому свойственна «чисто профессиональная юридическая логика, которая конструирует жизненные ситуации из абстрактных положений, опираясь при этом на максимум, согласно которой то, чего юрист не может помыслить при помощи выработанных в научной работе прин-

---

²⁰ См.: *Алексеев С. С.* Право на пороге нового тысячелетия : некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи // *Алексеев С. С.* Собр. соч. : в 10 т. М., 2010. Т. 5. С. 461, 465, 466 ; *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 262.

ципов, в правовом смысле не существует»²¹. Поэтому нельзя не согласиться с В. С. Нерсесянцем в том, что юридическая доктрина не только отражает позитивное право, но и «выражает, определяет его, т. е. активно соучаствует в процессе его создания и осуществления. Без правовой доктрины нет и определенной системы позитивного права»²². Именно юридическая доктрина, по верному выражению М. ван Хука, разрабатывает основную теорию правовой системы, определяет ее внешние границы и функционирование, играет решающую роль в формировании теории юридических источников, теории интерпретации, теории аргументации и юридической методологии в целом²³.

Через нормирование и организацию профессионального мышления юридическая доктрина «переводит» конструкции, термины и позиции юридической догматики в сферу корпоративной культуры юристов. Если в рамках догматической юриспруденции любые термины, конструкции, позиции являются средствами оптимальной организации позитивного права и юридической практики, то их разработка и трансляция юридической доктриной превращает данные «структуры» юридической догматики в нормы профессиональной культуры академических и практикующих правоведов. Тем самым юридическая доктрина обеспечивает содержание догмы права не только статус обязательных правовых положений, но и значение «канона юридического мышления». Поскольку нормы любой профессиональной культуры императивны, постольку юридическая доктрина обеспечивает и усиливает воздействие «элементов» юридической догматики не только на практическую деятельность юристов, но и на строй их правосознания и специфику мышления. Иными словами, в основании культурных смыслов юридической догматики всегда лежит юридическая доктрина. Если согласиться с тем, что качественное своеобразие профессионального мышления юристов делает право относительно самостоятельным компонентом культуры, то юридическая доктрина обеспечивает специфику права как особого и относительно самостоятельного института культуры. Если догматическая юриспруденция создает специальный юридический язык, формирует конструкции, позиции, выводит принципы права, создает классификации юридических терминов, то доктринальное правоведение на основе «структур» юридической догматики формирует особую «логику» права и юридического мышления.

Задавая императивы профессионального мышления, юридическая доктрина выступает источником формирования «внутреннего механизма» права, за счет которого оно становится способно к саморазвитию. Любую развитую правовую систему невозможно рассматривать как «зеркальное» отражение комплекса экономических, политических и культурных процессов определенного исторического времени. Объективные

---

²¹ Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. Право. М., 2018. Т. 3. С. 211.

²² Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. М., 2002. С. 383.

²³ См.: Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 246–247.

факторы и условия, возникающие в социальной среде, сначала опосредуются профессиональным мышлением юристов и только затем изменения в профессиональном сознании и юридической практике ведут к корректировке правовых институтов. Правовая система, знакомая с профессией юриста, корпоративной юридической практикой и системой образования, обладает собственной «внутренней структурой», обеспечивающей ее относительную автономию в организации и развитии.

На наш взгляд, такую «внутреннюю структуру» образуют профессиональное юридическое мышление, нормы корпоративной культуры юристов и организация юридической практики. При этом в основе такой внутренней структуры лежит юридическая доктрина, поскольку именно она формирует и транслирует императивы корпоративной культуры юристов, нормирует процессы понимания правовой действительности, формирует базовые принципы и правила юридического мышления. Так, системообразующая для семьи общего права доктрина судебного прецедента определяет и авторитетно транслирует нормы англо-американской юридической культуры – как надлежит правильно рассматривать судебное дело, осуществлять поиск прецедентов, как производить анализ *rationes decidendi* сходных прецедентов, проводить их толкование «от прецедента к прецеденту», как осуществлять различение прецедентов или обосновывать отсутствие «разумных различий» между рассматриваемым делом и прецедентом.

Без относительно устойчивой «внутренней структуры» правовой системы, закладываемой юридической доктриной, невозможно было бы и складывание правовых традиций, способных переживать коренные трансформации социального строя при политических революциях. Значительное число конструкций частного права в государствах континентальной Европы основывается на разработках классических римских юристов (терминология, конструкции, способы толкования права и аргументации решений), на конструкциях средневековой университетской юриспруденции, невзирая на то, что социальные, экономические, политические и духовные условия жизнедеятельности европейского общества многократно претерпели качественные изменения. Если бы правовая система действительно являлась лишь формой, отражающей социальные условия, «стенографистом» жизни общества, как утверждали основоположники марксизма²⁴, то была бы невозможна значительная преемственность в конструкциях догмы римского права и английского общего права. Если признать, что право и правовая система всецело обусловлены процессами, происходящими в социальной среде, то становится невозможно объяснить то обстоятельство, что, несмотря на кардинальные изменения в организации важнейших политических и социальных ин-

²⁴ См.: *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 112; *Маркс К.* Процесс против рейнского окружного комитета демократов // Там же. М., 1957. Т. 6. С. 259; *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Там же. М., 1961. Т. 21. С. 311.

ституты в результате буржуазной революции во Франции в 1789 г. или социалистической революции в России в 1917 г., ведущие конструкции, понятия, принципы догмы частного права, институциональная организация всего действующего права, «центральное ядро» юридического языка в значительной своей части остались без изменений²⁵.

Юридическая доктрина обеспечивает преемственность в стиле юридического мышления, понятийном аппарате правопведения, способах толкования и систематизации права, аргументации юридических решений, закладывает собственные основания права, позволяет утверждать, что правовая система «эмансипирована» от социальной среды, обладает собственной внутренней организацией, закономерностями и тенденциями развития, обеспечивающими в конечном счете устойчивость всей юридической традиции. В основе генетического саморазвития правовой системы лежит «канон юридического мышления», складывающийся из юридических понятий и правил оперирования ими. Юридическая доктрина обеспечивает как понятийное единство и определенность юридического знания, так и правила его трансляции, поскольку лежит в основе не только юридического языка, но и профессионального образования. Тем самым юридическая доктрина формирует относительно инвариантную от изменений социальной среды структуру правовой системы, обеспечивающую преемственность развития юриспруденции, системы права, юридической практики. За счет такой «внутренней» структуры право способно не только изменяться исторически – в связи с «внешними» социальными процессами, но и эволюционировать генетически – в силу «внутренних» изменений в структуре и/или составе правовой системы.

Пределы нормирования юридической доктриной мышления юристов. Не всё «пространство» юридического мышления задается юридической доктриной. Основополагающим фундаментом, формирующим предельные основания юридического мышления, выступают философские картины мира и системы мышления. Философские картины мира представляют собой взаимосвязанные комплексы экзистенциальных онтологических и гносеологических представлений и установок, посредством которых формируется первичное понимание природы реальности, места человека в ней, способов и пределов ее познаваемости, ценностно-целевых ориентаций человека. В значительной мере философские картины мира укоренены в типе культуры и исторической эпохе. Данные комплексы представлений формируются философским типом познания и носят предельный характер, поскольку не имеют под собой дальнейшего рационального обоснования.

Юридическая доктрина не создает философские картины мира, а сама всегда – осознанно или неосознанно – формируется в рамках фундаментальных идей, категорий, принципов, составляющих «несущую кон-

---

²⁵ См.: *Авенариус М.* Римское право в России / пер. с нем. Д. Ю. Полдникова. М., 2008. С. 126 ; *Тарасов Н. Н.* История и методология юридической науки : методологические проблемы юриспруденции. М., 2019. С. 84.

струкцию» философских концептуализаций реальности. Можно привести целый ряд примеров, иллюстрирующих тесную связь между философскими картинами мира и различными вариантами юридической доктрины в западной традиции права. Так, рационалистическая картина мира XVII–XVIII вв. определяла исходные онтологические и гносеологические представления, из которых исходили в разработках образцовой системы права представители школы естественного права на европейском континенте. Доктринальные разработки исторической школы юристов были результатом изучения догмы римского права исходя из гносеологических установок, непосредственно следовавших из идеалистической картины мира, господствовавшей в интеллектуальной западноевропейской культуре первой трети XIX столетия. Доктринальные понятия, принципы, посредством которых представители социологической юриспруденции континентальной Европы 80–90-х гг. XIX – начала XX в. осмысливали правовую реальность, в значительной мере были обусловлены картиной мира философского позитивизма. Диалектико-материалистическая картина мира, разработанная основоположниками марксизма, рассматривалась как непреложное основание доктринальных понятий, концепций, конструкций советского правоведения.

Разумеется, при надлежащей организации юридического образования правоведа способны создавать и развивать категории и принципы познания правовой действительности философского уровня, но формирование всеобщих концептуализаций реальности все же является функцией философского сознания. Следует признать, что специальное освоение и производство философско-правовых категорий, мировоззренческих систем выходит за пределы социальных функций профессии юриста. Ни классические римские, ни средневековые юристы, ни юристы общего (англо-американского) права специально не овладевали философско-правовым знанием как неотъемлемым компонентом своей профессиональной области, при этом они вполне успешно реализовывали общественное предназначение юриспруденции. Основополагающие философские идеи, категории, принципы осваиваются, присваиваются и развиваются юридическим сознанием в романо-германской правовой традиции со времени школы естественного права и выступают идеальным источником формирования соответствующих юридических доктрин.

Вторым исходным основанием юридического мышления, которое не формирует юридическая доктрина, выступают системы мышления как разработанные философским типом познания законы (принципы) и правила осуществления мыслительных операций.

Для юридического сознания западной традиции права принципиальное значение имеет логика Аристотеля, которая определяет правила, по которым из одних суждений выводятся другие. Если юридическая доктрина вырабатывает, прежде всего, «операнды» профессионального юридического мышления, то формальная логика определяет «операции», посредством которых осуществляется мыслительная работа с юридическими конструкциями, понятиями, принципами. Очевидно то, что ре-

зультат мыслительной деятельности юристов определяется не только характером содержания используемых «операндов», но и системой правил, определяющих движение мысли юриста. Логические законы и правила, на наш взгляд, образуют фундаментальный уровень юридического мышления, который не формируется юридической доктриной. Последняя производит и воспроизводит «знаковую систему» («элементы» юридической догмы), но принципы, обуславливающие границы мыследеятельности юриста, во многом определяются формальной логикой как системой мышления.

Так, если сопоставить юриспруденцию древнего Рима классического периода (I – начало III в.) со средневековым университетским правоведением (XII–XV вв.), то сравнительно несложно обнаружить значимые различия в комплексе юридических конструкций, принципов, т. е. в «операндах» юридического мышления, но фундаментальные логические законы и правила, на которые опирались римские юристы и средневековые глоссаторы и комментаторы, остались без существенных изменений. Несмотря на значимые изменения в содержании юридической доктрины «уровень» логических правил и операций не претерпел кардинальных изменений.

Библиографический список

Авенариус М. Римское право в России / пер. с нем. Д. Ю. Полдникова. М., 2008. 160 с.

Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. 565 с.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия : некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 2010. Т. 5. 547 с.

Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. 395 с.

Берман Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии. М., 2008. 463 с.

Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. М., 1998. 624 с.

Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 3 : Право. М., 2018. 331 с.

Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003. 156 с.

Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 2009. 453 с.

Иеринг Р. фон. Дух римского права // Иеринг Р. фон. Избранные труды : в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. 547 с.

Иеринг Р. фон. Юридическая техника. М., 2008. 229 с.

Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987. 310 с.

Кузнецов К. А. Реформа юридического образования в Германии (окончание) // Юридический вестник. Изд. Моск. юрид. общества. 1889. № 4. С. 591–631.

Ллойд Д. Идея права. М., 2002. 416 с.

Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 65–185.

Маркс К. Процесс против рейнского окружного комитета демократов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 254–272.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. М., 2002. 552 с.

Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. / пер. с нем. Г. Жигулина. М., 2011. Т. 1. 510 с.

Скакун О. Ф. Юридическая деонтология : учеб. для вузов. Харьков, 2002. 503 с.

Тарасов Н. Н. Быть профессионалами высокой культуры : интервью газете «Юрист» // Юрист. № 1 (43). 2004. С. 1–2.

Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки : методологические проблемы юриспруденции. М., 2019. 218 с.

Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 264 с.

Тарасов Н. Н. Правовая традиция и преемственность в праве : методологические основания исследования // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 3. С. 5–14.

Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. 287 с.

Цвайгерт К., Кёмуц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. М., 2000. Т. 1 : Основы. 480 с.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. 649 с.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 269–317.

Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev. 1991. № 69. P. 1627–1743.

References

Avenarius M. Roman Law in Russia / trans. D. Poldnikov. Moscow, 2008. 160 p.

Alekseev S. S. General Theory of Law. Moscow, 2008. 565 p.

Alekseev S. S. Law on the Threshold of the New Millennium: Some Trends in World Legal Development – Hope and Drama of the Modern Era // Alekseev S. S. Collected Works in 10 vols. Vol. 5. Moscow, 2010. 547 p.

Anners E. History of European Law. Moscow, 1996. 395 p.

Berman G. J. Faith and the Law: Reconciling Law and Religion. Moscow, 2008. 463 p.

Berman G. J. Western Legal Tradition: the Era of Formation. Moscow, 1998. 624 p.

Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology in 4 vols. Vol. 3. Law. Moscow, 2018. 331 p.

Gubaeva. T. V. Language and Law. Moscow, 2003. 156 p.

David R. The main legal systems of modernity. Moscow, 2009. 453 p.

Jhering R. v. The Spirit of Roman Law // Jhering R. v. Selected Works. In 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg, 2006. 547 p.

Jhering R. v. Legal Technique. Moscow, 2008. 229 p.

Knapp V., Gerlokh A. Logic in Legal Mind. Moscow, 1987. 310 p.

Kuznetsov K. A. Reform of legal education in Germany (end) // Legal Bulletin. Publication of the Moscow Law Society. 1889. № 4. P. 591–631.

Lloyd D. The Idea of Law. A Repressive Evil or Social Necessity? Moscow, 2002. 416 p.

Marx K. The poverty of philosophy. Reply to M. Proudhon's «Philosophy of Poverty» // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, 1955. Vol. 4. P. 65–185.

Marx K. Trial against the Rhine Regional Committee of Democrats // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, 1957. Vol. 6. P. 254–272.

Nersesyants V. S. General theory of law and state. Textbook for high schools. Moscow, 2002. 552 p.

Savigny F. K v. Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence // Savigny F. K v. System of Modern Roman Law. Vol. 1 / Trans. by G. Zhigulin. Moscow, 2011. 510 p.

Skakun O. F. Legal deontology. Textbook for high schools. Kharkiv, 2002. 503 p.

Tarasov N. N. To be highly cultured professionals. Interview to the newspaper «Jurist» // Jurist. № 1 (43). 2004. P. 1–2.

Tarasov N. N. History and Methodology of Legal Science: Methodological Problems of Jurisprudence. Moscow, 2019. 218 p.

Tarasov N. N. Methodological Problems of Legal Science. Yekaterinburg, 2001. 264 p.

Tarasov N. N. Legal Tradition and Continuity in Law: Methodological Basis for Research // Electronic Supplement to the Russian Legal Journal. 2020. № 3. P. 5–14.

Hoecke M. v. Law as Communication. Saint Petersburg, 2012. 287 p.

Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative law in the field of private law. In 2 vols. T. 1. Fundamentals. Moscow, 2000. 480 p.

Chestnov I. L. Postclassical Theory of Law. Saint Petersburg, 2012. 649 p.

Engels F. Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, 1961. Vol. 21. P. 269–317.

Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev. 1991. № 69. P. 1627–1743.

Для цитирования:

Михайлов А. М. Юридическая доктрина и профессиональное мышление юристов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/74-90>

Recommended citation:

Mikhailov A. M. Legal doctrine and professional thinking of lawyers // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 3 (50). P. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/74-90>

Московский государственный институт международных отношений

Михайлов А. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения

E-mail: antonmikhailov@hotmail.com

Moscow State Institute of International Relations

Mikhailov A. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory of Law and Comparative Law Department

E-mail: antonmikhailov@hotmail.com